

Кроме того, автор предлагает различать приватную и публичную интимность в разных культурных контекстах. Технологии интимности позволяют преодолеть разрыв между публичным и приватным, географическим пространством и временем. Под «технологиями» автор понимает книги, мобильные телефоны, электронную почту, лайки в Facebook, твиты, сообщения, фотографии и картинки, чаты и комментарии (с. 9).

Эти три измерения – «что», «где» и «как» – дают возможность определить диапазон интимности. При этом автор предлагает различать «временную интимность» (возникающую, например, между пассажирами, занимающими соседние места в самолете) и «продолжающуюся интимность» (наблюдаемую между двумя давними романтическими партнерами, родителями и детьми, друзьями) (с. 8–9).

В заключение автор подчеркивает, что интимность представляет собой не достигнутое состояние, а, скорее, активный, институционально опосредованный процесс, имеющий большое значение для социальной жизни в целом, поэтому изучение интимности следует вести «изнутри» (т.е. изучать, как сами участники воспринимают свои отношения) и «извне» (т.е. изучать, как практики интимности закрепляются институционально в данном обществе, например через школы и государственные институты) (с. 10).

К. Форсти также отмечает, что большинство исследователей, изучая проблемы интимности, ограничиваются случаями романтических отношений, однако интересно было бы рассмотреть проблемы интимности на примере дружеских отношений.

А.А. Раренко

2020.04.006. ВАЛТОНЕН А., НЯРВЯНЕН Э. ПОВСЕДНЕВНАЯ ИНТИМНОСТЬ СНА: ТЕЛЕСНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ ИНТИМНЫХ ПРАКТИК.

VALTONEN A., NÄRVÄNEN E. The everyday intimacy of sleeping: an embodied analysis of intimate practices // Consumption markets a. culture. – 2016. – Vol. 19, N 4. – P. 370–386.

Ключевые слова: сон; тело; интимность; потребление; повседневность.

Финские исследователи Ану Валтонен (Лапландский университет, г. Рованиеми) и Элина Нярвянен (Университет Тампере) стремятся выявить, какую роль играет тело в интимных практиках, сопряженных со сном.

Среди наиболее изученных интимных практик, отмечают авторы статьи, выделяются еда и уход (за собой или другими людьми). В частности, немало исследований посвящено тому, как индивиды находят компромисс между собственным поведением и бытующими в обществе «культурными идеалами» этих практик. Тем не менее Валтонен и Нярвянен полагают, что в существующей литературе недостаточно внимания уделяется телу и его значению в соответствующих практиках. В своей работе они опираются на теорию практик¹ и ряд значимых исследований о теле и сне². Кроме того, они связывают сон с потреблением, поскольку потребление может рассматриваться как «момент в каждой практике»³. От пижамы, зубной пасты и ночного крема до снотворных таблеток, книги для чтения в постели и приложения для отслеживания качества сна – готовящегося ко сну, спящего и просыпающегося индивида окружает рынок.

Одно из ранних и наиболее известных исследований сна принадлежит М. Моссу⁴. В ряду различных техник тела французский социолог и антрополог описывал и техники сна, которые делились ему навыком, несущим в себе отпечаток культуры и общества. В медицинском и публичном дискурсах сон часто предстает в качестве частного, индивидуального феномена. Однако, подчеркивают Валтонен и Нярвянен, его следует рассматривать как явление социальное и «межтелесное». Так, в современных западных

¹ Warde A. Consumption and theories of practice // J. of consumer culture. – 2005. – Vol. 5, N 2. – P. 131–153.

² См., напр.: Mauss M. Techniques of the body // Economy a. society. – 1973. – Vol. 2, N 1. – P. 70–88. – 1st ed. 1932; Rosenblatt P. Two in a bed: the social system of couple bed sharing. – Albany: State univ. of New York press, 2006; Williams S., Crossley N. Sleeping bodies: introduction // Body a. society. – 2008. – Vol. 14, N 4. – P. 1–13.

³ Warde A. Consumption and theories of practice // J. of consumer culture. – 2005. – Vol. 5, N 2. – P. 137.

⁴ Mauss M. Techniques of the body // Economy a. society. – 1973. – Vol. 2, N 1. – P. 70–88. – 1st ed. 1932.

семьях, принадлежащих к среднему классу и более высоким социальным слоям, сон организован в соответствии с семейными ролями: дети спят в своих спальнях, родители – в своей; иные варианты (дети спят с родителями, родители спят каждый в своей спальне) представляют собой отклонение от морального эталона. Другой пример: в силу ряда причин, в том числе из-за различий в ритмах сна со спящим рядом партнером, индивиду может быть сложно соответствовать культурному идеалу хорошего сна (быстрое засыпание, не прерывающийся сон, пробуждение бодрым и готовым к новому дню). Со сном сопряжены такие социокультурные феномены, как интимность (сон переживается в кругу самых близких людей; в случае сна в публичном месте индивид старается воссоздать атмосферу приватности, прикрывшись каким-либо предметом одежды или даже газетой и отвернувшись от толпы); исход из общества и уход от самого себя (в разных культурах есть традиции, связывающие сон и смерть); мир сновидений (со всей его мистикой и богатыми культурными ассоциациями).

В рамках своего исследования авторы предполагают рассмотреть эмоциональные, эстетические и этические аспекты интимных практик сна. В частности, они указывают, что эмоциональное измерение повседневных практик было отмечено многими исследователями. Так, домашний обед у большинства индивидов вызывает чувства безопасности и ностальгии. В то же время неспособность соответствовать этому домашнему идеалу может вызывать чувство вины, разочарование, тревожность и иные негативные эмоции. Эстетическое измерение находит свое отражение, например, в том, как накрыт стол, как оформлены блюда, а также, скажем, в том или ином телесном идеале (в частности, предпочтении стройных тел). Этический аспект суть нормативная основа повседневных практик, т.е. кто определяет меню семьи, кто решает, стоит ли приглашать гостей и должны ли дети помогать по хозяйству и пр. Семейные интимные практики во многом следуют этике заботы. Так, материнская роль, в соответствии с доминирующим культурным идеалом, состоит в самоотречении и посвящении себя интересам семьи. При этом, отмечают Валтонен и Нярьянен, многие авторы делают акцент на дискурсивных характеристиках нарративов, в то время как тело может стать полноценным источником знания о повседневном опыте. Например,

в такой интимной практике, как чтение сказки ребенку перед сном, можно выделить и эмоциональную (создание атмосферы безопасности), и эстетическую (наслаждение близостью) и этическую (право на проявление заботы) составляющие.

Для целей своего исследования авторы статьи отобрали 10 биографических текстов о сне, написанных финскими информантами, 15 колыбельных песен и песен на тему сна, порядка 100 материалов, связанных со сном (медийные и рекламные тексты, этнографические заметки – наблюдения, беседы, собственные воспоминания авторов). Все материалы относятся к 2008–2013 гг. Тема потребления не звучала открыто – она была скорее фоном исследования. Песни, медийные и рекламные тексты были призваны продемонстрировать нормативные концепции сна, тогда как материалы личного характера должны были показать, в какой мере повседневное поведение индивидов вступает в конфликт с культурной нормой и как им удается разрешать возникающие противоречия. Учитывая тот факт, что большинство исследователей все же чаще изучают опыт бодрствующих людей, авторы имели дело с малоизученным вопросом. В связи с этим они регулярно обращались к важной (частично упоминавшейся выше) литературе на тему сна и соединяли теорию и практику. С тем чтобы получить как можно больше сведений от своих информантов и свести к минимуму возможные неудобства и неловкость, Валтонен и Нярьянен привлекли в качестве информантов своих знакомых, беседовали с ними утром и вечером и просили их фиксировать все свои наблюдения. Они также устраивали аналитические сессии, где обсуждались этнографические стратегии и интерпретативные схемы. Представление результатов исследования они предваряют текстом одной из информанток, 26-летней замужней женщины без детей, для которой сон – это время спокойствия и комфорта; она предпочитает засыпать раньше мужа, что дает ей ощущение безопасности; по выходным же постель превращается в территорию близости и игры. Далее авторы описывают эмоциональное, эстетическое и этическое измерения интимных практик сна.

Эмоциональная близость порождается телесной близостью в различных социальных практиках, сопряженных со сном. Ранние воспоминания первого автора связаны со сном на матрасе на полу бабушкиного дома – все двоюродные сестры лежали рядом, рас-

сказывали истории, смеялись, пока не засыпали. Позже, в школьные годы, ночевка у подруги была подтверждением дружеской близости. Предметы, вовлеченные в ту или иную практику, также вызывают определенные эмоции. По словам Е. Иллуз, «объекты потребления всегда несут в себе след социальных отношений» (цит. по: с. 376). В практиках сна центральным предметом служит кровать, с которой могут быть связаны разнообразные как позитивные, так и негативные эмоции. Часть эмоциональной динамики сопряжена с противоречием между опасностью и безопасностью: казалось бы, человек должен расслабиться, заснуть и спокойно спать, однако его могут одолеть страхи и тревоги, которые днем ему удавалось подавлять; еще одним источником возбуждения или успокоения может стать партнер – он может и убаюкать, а может и (если, например, он храпит) помешать спокойному сну. В детско-родительских отношениях особой важностью обладает практика укладывания детей спать. В современных западных обществах ей соответствует известный культурный идеал (кто-то из родителей заходит в детскую, читает сказку, поет колыбельную, целует детей на ночь, желает им сладких снов), который включает в себя эмоции, выражающие любовь и заботу. Тем не менее материалы, собранные авторами, показывают, что в реальности данная практика может носить более сложный и неоднозначный характер. Две женщины рассказывают, что члены их семей, несмотря на все попытки родителей уложить детей как положено, вновь и вновь засыпают отнюдь не там, где следует, – дети в родительской спальне либо родители в детской. Это может вызывать у родителей беспокойство и ощущение, что они недостаточно хорошо справляются со своей ролью. Не могут расслабиться и заснуть и родители подростков, пока те не вернутся домой. Разведенная мать за 30 с удовлетворением отмечает, что по выходным она может спать тогда, когда захочет, и так, как захочет, тем самым наслаждаясь собственным ритмом сна.

Под эстетикой сна авторы подразумевают чувственный опыт, который воплощается в повседневных потребительских практиках, связанных со сном. Сон создает особое пространство чувственной и межтелесной интимности. Культурные нормы, часто именуемые «гигиеной сна», заставляют индивидов так или иначе продумывать сенсорную среду спальни, включая освещен-

ность, воздушно-тепловой режим, уровень шума. Подобно другим практикам, сон задействует все органы чувств. Прикосновения, запах тела партнера, лицо любимого человека и звук его дыхания, свидетельствующий о том, что он по-прежнему здесь, – на исключительную важность этих проявлений в их повседневной жизни указывали информанты авторов. По данным исследования, проведенного в Хартфордширском университете, уровень счастья в парах, которые спали, касаясь друга, достигал 94%, и чем дальше друг от друга спали партнеры, тем менее счастливыми они были (с. 379). Отдельной составляющей эстетики сна являются сновидения, которые служат своего рода яркой параллельной реальностью.

Этика сна отражает заботу о близких людях в соответствующих практиках. В частности, родители должны обеспечивать детям максимально безопасный и комфортный сон – если ребенок болеет, они (прежде всего, это ожидается от матери) должны проводить бессонные ночи у его постели. Этическое измерение включает в себя уважение к желательной для близких сенсорной среде (когда другие уже спят, нужно ходить на цыпочках, уменьшать громкость устройств и пр.). Если же кто-то не желает следовать этическим установлениям, спальня может превратиться в поле боя. Причем информанты авторов ожидали соблюдения этих негласных норм и от соседей, возмущаясь, если из квартиры тех, например, доносились какие-то звуки в ночное время. Как следует из эмпирических материалов исследования, ситуация осложняется, если помимо домочадцев в эту этическую систему включаются домашние животные и необходимо решать, в частности, пускать или нет собаку в спальню или в супружескую постель и в каких случаях можно сделать исключение, хотя обычно доступ в хозяйскую спальню питомцу закрыт. Одна из информанток позволила своей собаке спать в своей постели, когда той оставалось жить считанные дни. Кроме того, этика сна предполагает уважение к спящему – беззащитному – телу, которое, соответственно, нельзя подвергать насилию, физическому или символическому. Это, в частности, включает в себя запрет на съемку спящего человека без его согласия; исключением служат дети и животные, чьи фотографии в процессе сна можно в большом количестве найти в Интернете.

Как отмечают авторы статьи, в исследованиях повседневных потребительских практик предпочтение традиционно отдается изучению опыта бодрствующих индивидов. Тому есть несколько причин. Во-первых, в социальных науках в целом социокультурные феномены ассоциируются с миром бодрствования. Во-вторых, очень легко поставить знак равенства между сном и пассивностью и сделать вывод, что в данном случае, по сути, нечего изучать. В-третьих, частный, скрытый, таинственный характер сна, а также состояние спящего по ту сторону сознания существенно затрудняют потенциальные исследования. В-четвертых, сон во многом воспринимается как нечто само собой разумеющееся, а явления, принимаемые как должное, редко становятся предметом исследования. Наконец, как обывательский, так и научный дискурс нередко разделяют дом и рынок, так что дом видится своего рода последним убежищем, где индивид может скрыться от власти рынка, — хотя данная работа продемонстрировала то, насколько тесно эти две сферы связаны между собой. В итоге самая распространенная повседневная практика остается скрытой от глаз, в том числе исследователей. По мнению А. Валтонен и Э. Нявянен, внимание ко сну в противовес бодрствованию послужит формированию более сбалансированного понимания потребления и расширит представления об идентичности, агентности, опыте и теле, а кроме того, позволит осознать, что часть мира потребления может быть нам не подвластна, располагаясь вне нашей воли и нашего контроля.

Я.В. Евсева

2020.04.007. БРЮНЕТО П., БЛАНШАР К. ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ В ПРИЮТАХ ДЛЯ БЕЗДОМНЫХ.

BRUNETEAUX P., BLANCHARD Ch. Vivre sa vie intime dans les foyers de SDF // J. des anthropologues. – 2019. – Vol. 1, N 156/157. – P. 105–125.

Ключевые слова: бездомные; приюты для бездомных; личная жизнь; интимные отношения.

Авторы, Патрик Брюнето (Университет Париж 1) и Кристоф Бланшар (Университет Париж 13), считают, что французское общество не уделяет достаточного внимания условиям жизни в приютах для бездомных. Тогда как там практикуются принуждение и